

ЭХО ГОЛОСОВ МОЛОДЫХ

В начале 2012 года Ф&Р взял интервью у шести молодых людей со всего мира, которые начинали трудовую жизнь в неблагоприятных экономических условиях.

Недавно мы вновь встретились с четырьмя из них: из Боснии, Египта, Японии и Соединенных Штатов. Мы не смогли побеседовать с Адильмером Гарсия из Перу, который переехал из гор северной части Перу в трущобы на окраине Лимы, чтобы продолжить работу и получить образование. Он потерял работу в стеклорезной компании и в 2012 году искал работу, позволявшую ему иметь свободное время в начале или в конце дня для посещения занятий. Мы также не смогли найти Чиюму Нвасонье из южной Нигерии, которая искала работу со времени окончания университета и решила пока поступить в аспирантуру.

Представляем последние события в жизни четырех молодых людей, с которыми мы побеседовали.

Идеальная работа в Боснии

ИРМА БОРАЧИЧ-ШУМАН окончила юридический факультет Сараевского университета в 2009 году. Через четыре года, в течение которых она подала 385 заявлений на работу, в марте 2013 года ей удалось найти работу своей мечты.

Борачич-Шуман, которой сейчас 28 лет, очень довольна своей новой работой в городском суде Сараево, но признает, что многие другие молодые люди все еще не имеют работы. Уровень безработицы в Боснии и Герцеговине самый высокий в Европе, 45 процентов. При этом Агентство по труду и занятости Боснии отмечает, что если учесть работников в неформальной экономике, то этот уровень снизится до 27,5 процента.

«Когда мне позвонил коллега и сказал, что мою кандидатуру предложили на должность профессионального сотрудника Сараевского городского суда, я подумала, что это шутка», —

сказала она. Годом ранее Борачич-Шуман сдала судебный экзамен без каких-либо перспектив трудоустройства.

«Это был период подачи новых заявлений на работу, период, когда человек, хоть и сделал все необходимое для начала карьеры после получения юридического образования (сдал судебный экзамен, получил необходимый опыт), просто теряет надежду и начинает впадать в депрессию», — сказала она.

Борачич-Шуман находила большинство объявлений о вакансиях в Интернете или на сайтах отдельных компаний и подала 90 процентов своих заявлений по электронной почте. В большинстве случаев она так и не получила ответа.

Такой длительный срок поиска работы она объясняет тем, что ее семья не была влиятельной и не имела политических связей. Она гордится тем, что ее выбрали благодаря ее квалификации и навыкам. «Ко мне вернулась уверенность в правовой системе во время интервью при приеме на эту работу, когда мне задавали вопросы, связанные с моими теоретическими и практическими знаниями, чтобы выяснить мое мнение о некоторых юридических решениях», — сказала она. — Я так рада, что они

оценили мое стремление получить необходимые знания и приложенные для этого усилия».

Она работает в подразделении суда, которое занимается исполнением судебных постановлений о взыскании неоплаченных счетов для муниципальных предприятий Сараево. Из-за бюджетных ограничений она — единственный профессиональный сотрудник в этом подразделении. «Работать приходится очень много, но я не жалею. Я счастлива, что могу заниматься тем, что мне нравится, и считаю, что мне удалось полностью себя реализовать».

Она считает, что годы ожидания работы помогли ей развить терпение и понимание, и это помогает ей в работе с людьми, которые не в состоянии оплатить свои счета. «Я могу по настоящему вникнуть в суть каждого дела, потому что понимаю сегодняшние проблемы социальной несправедливости и бедно-

«Я разговариваю с людьми различных профессий, например с медсестрами или ИТ-специалистами, у которых опускаются руки после тщетных попыток найти работу по специальности».

сти в нашем обществе, и, возможно, могу лучше представить дело», — сказала она.

В следующем году Борачич-Шуман может подать заявку на должность судьи. Она сказала, что надеется, что приемная комиссия признает ее качества и трудолюбие, но не будет разочарована, если ее не выберут с первой попытки.

В декабре 2014 года Борачич-Шуман вышла замуж; она живет с мужем в недавно купленной квартире. Почти половина ее месячной зарплаты в 1200 боснийских марок (754 доллара США) уходит на оплату двадцатилетней ипотеки. Но она настроена оптимистично. «У нас своя квартира, надежная работа и оклад госслужащих», — сказала она. Она ожидает повышения зарплаты, когда станет судьей.

Борачич-Шуман довольна своей жизнью в Боснии и Герцеговине, но говорит, что понимает, почему некоторые молодые люди хотят уехать. «Я разговариваю с людьми различных профессий, например с медсестрами или ИТ-специалистами, у которых опускаются руки после тщетных попыток найти работу по специальности. Несмотря на то, что их вклад жизненно важен для функционирования и развития страны, государство не заботится о том, чтобы обеспечить им возможности для трудоустройства», — сказала она.

По словам Борачич-Шуман, основная причина массового оттока молодежи кроется в трудовом законодательстве. Укрепленные пенсионных фондов позволило бы пожилым работникам выйти на пенсию и высвободить рабочие места для молодых.

«Чего-то добиться можно только упорством, по крайней мере в этой стране. Люди здесь вынуждены самостоятельно достигать поставленных целей, бороться, опираясь на собственные качества, каждый по-своему. В моем случае мои способности были оценены по достоинству, и я могу только рекомендовать всем твердо настаивать на своих правах». ■

Репортаж: Дарья Сито-Сучич; фото: Дадо Рувич

Номинация на премию «Оскар» в Египте

АХМЕД ХАССАН никогда не думал, что видеоклипы, которые ему с таким трудом удалось снять за 18 дней революции в Египте, начавшейся 25 января 2011 года, так изменят его жизнь. Хасан познакомился с египетско-американским кинематографистом Джеханом Нуджаимом, и каждый из них записывал хронику революции на видеокамеру.

Из этих клипов они создали полнометражный документальный фильм «Площадь» (Square): Нуджаим был режиссером, а Хасан оператором-постановщиком и одним из главных героев. Фильм рассказывает о революции от падения авторитарного Хосни Мубарака до смещения избранного президента Мухаммеда Мурси в 2013 году. В 2014 году «Площадь» был номинирован на премию «Оскар».

«Площадь» не выиграл премию Американской киноакадемии, но его международная известность (в январе 2014 года сервис потокового видео Netflix включил этот фильм, который ранее был доступен только в Интернете, в свой каталог) внезапно сделала этого молодого человека из среднего класса знаменитостью, хотя власти пытались запретить этот фильм в Египте.

«Органы цензуры не дали разрешения на показ фильма в кинотеатрах, но он попал в YouTube, и контрафактные диски продавались на улицах, — рассказывает Хасан. — Надо признать, что мы не получили от фильма никаких денег, но он дошел до каждого дома, и популярные кафе проводили специальные сеансы, на которые меня приглашали. Невозможно описать, как я был счастлив».

В августе 2014 года за свою работу над фильмом «Площадь» Хасан первым из египтян получил премию «Эмми» Международной академии телевизионных искусств и наук в США.

«После революции молодые люди уговаривали меня выступать от их имени в средствах массовой информации, но я отказывался, потому что был убежден, что я не гожусь на роль лидера. Я предпочитал оставаться в тени, если не считать моей предыдущей деятельности в частных и государственных средствах массовой информации в Египте. Все, кто появлялся в СМИ, становился частью мельтешающей череды лиц, а я предпочитал сосредоточиться на работе. Я купил оборудование для съемки и редактирования видео и занялся своим профессиональным совершенствованием».

Хасан говорит, что не заглядывает далеко в будущее. «Мне нравится жить сегодняшним днем». В настоящее время он является независимым режиссером и оператором и работает над съемками и редактированием нового документального фильма о событиях революции. Он также заканчивает фильм о политических заключенных. Героиней этого фильма стала активистка Сана Абдель Фаттах, один из его близких друзей, которая была осуждена за участие в протестах и приговорена к трем годам лишения свободы в конце 2014 года.

По словам Хасана, он не потерял надежду на то, что демократические перемены придут в Египет, но его беспокоит, что они проходят медленно и страна повторяет все те же политические ошибки.

Он хочет остаться в Египте, хотя и надеется немного пожить за границей. «Я не задумываюсь об эмиграции. Сейчас я пытаюсь устроиться на год-два преподавателем в Англии или США и надеюсь, что удача мне не изменит. Думаю, это очень поможет мне в профессиональной карьере».

Хасан отмечает, что новые технологии и социальные сети играют важную роль в его профессиональной жизни. «Мне очень помогли возможности быстрого доступа. Я снимал события и столкновения, затем загружал репортажи на YouTube, и они получали десятки тысяч просмотров; в этом одна из главных причин моего успеха и известности».

Его творческие успехи принесли ему и финансовое благополучие: «Мой месячный доход вырос во много раз, и теперь я живу в своем доме в центральной части города [Каира]». Он отдал свой старый дом матери и сестрам и оказывает им финансовую поддержку.

Тем не менее, жениться он еще не готов. «Это правда, мое финансовое положение улучшилось, но пока я не могу позволить себе женитьбу; наверное, подожду еще пару лет». ■

Репортаж и фото: Хишам Аллам

В Японии — один шаг вперед, два шага назад

ПОСЛЕДНИЕ год-два были временем резких перемен для Такуми Сато, который за это время нашел работу, пытался справиться с проблемами психического здоровья, затем потерял работу, и теперь считает себя жертвой экономической политики правительства.

И хотя беспокоящиеся за него родители убедили Сато проводить больше времени у них дома, к востоку от Токио, он упорно отстаивает свою независимость и не оставляет свою однокомнатную квартиру в Кавагоэ, северном пригороде Токио.

Сато, которому сейчас 26, говорит, что он твердо намерен обходиться суммой месячного государственного пособия, примерно 1000 долларов США. «Я должен быть очень осторожным в расходах, но к этому я уже привык и каждый месяц стараюсь отложить немного на сбережения», — говорит он.

Когда-то дела у Сато шли хорошо. У него был шестимесячный контракт с компанией, выпускающей анимированные телевизионные шоу и видео-программы, и хотя контракт не был продлен, он быстро нашел работу еще на шесть месяцев в фирме, которая готовит порционные обеды бенто для супермаркетов и магазинов. Но затем врачи посоветовали Сато (у которого ранее были диагностированы синдром Аспергера, относимый к аутистическим расстройствам, и синдром дефицита внимания с гиперактивностью) оставить эту работу ввиду его ухудшившегося психического здоровья.

Когда он поправился, Сато зарегистрировался в организованном японским правительством центре трудоустройства «Hello Work» и, по его словам, был очень рад почти сразу найти новую работу в фирме, которая создает игры для смартфонов и онлайн. «Это было как исполнение мечты, именно такую работу я хотел найти» (он окончил технический колледж и изучал разработку и производство компьютерных игр).

И все же Сато вновь работал по шестимесячному возобновляемому контракту, то есть был в том же положении, что и миллионы работников, тогда как в прежние времена в Японии можно было всю жизнь проработать в одной компании. Эта система отмерла после экономического спада, который начался в начале 1990-х годов.

«Мне сказали, что я смогу получить штатную позицию по окончании первых шести месяцев, — сказал Сато. — Но это означало, что я не получал никаких льгот, которые имели штатные сотрудники, работавшие вместе со мной, и эти шесть месяцев тянулись очень долго».

Стресс начал сказываться; он страдал бессонницей и часто опаздывал на работу. Компания неоднократно предупреждала

его об обязанности приходить вовремя, но это лишь усугубило ситуацию, — признает Сато. Врач поставил ему диагноз расстройства сна, и хотя компания оплатила ему весь срок контракта, он не был продлен.

В настоящее время он безработный и проходит лечение от психических расстройств. «Я очень хочу работать, — говорит он. — Хочу найти место, где меня принимают таким, как есть, где люди понимают мое заболевание. Поэтому я обращаюсь за помощью к людям, которые учат меня быть продуктивным членом рабочей силы». Все остальное, от новых друзей до обзаведения семьей, пока откладывается. «У меня нет работы, так как же мне тогда найти партнера и надежно обеспечить семью?»

Сато, похоже, смирился со своим трудным положением. Только тогда речь заходит о политической ситуации в Японии, он начинает волноваться, даже сердиться. «Абэномика не сделала абсолютно ничего для меня и миллионов таких, как я», — сказал он, имея в виду меры премьер-министра Синдзо Абэ по укреплению японской экономики посредством налогово-бюджетного стимулирования, смягчения денежно-кредитной политики и структурных реформ.

Сато говорит, что политика Абэ увеличила разрыв между богатыми и бедными в японском обществе. «Он помогает тем, у кого уже все есть, — сказал он. — Это богатые. Это крупные компании и пожилые люди. У таких, как я, — молодых, неполностью занятых, безработных, больных — больше нет ни голоса, ни прав», — добавил он.

В ноябре 2014 года Абэ назначил досрочные парламентские выборы на следующий месяц.

Сато сказал, что на декабрьских выборах он голосовал за Коммунистическую партию Японии. Но партия, возглавляемая Абэ, уверенно победила. ■

Репортаж: Джулиан Райалл; фото: Алфи Гудрич

Шагая не в ногу в Соединенных Штатах

АЛЕКСА КЛЕЙ испытывала некоторую растерянность и смятение. Отчасти это объяснялось культурным шоком: она занимается активной общественной деятельностью и ненадолго вернулась в Вашингтон из Берлина, который она в настоящее время считает своим домом. По ее словам, она вновь была поражена бешеным темпом и одержимостью работой в столице США.

Ее замешательство было также связано с причиной более экзистенциального свойства. Клей очень много размышляет о некоторых из важнейших проблем нашего времени. Куда ведет капитализм? Что ждет последнюю оставшуюся сверхдержаву? Как можно инициировать значимые изменения внутри огромных монолитных корпораций?

Когда *Ф&Р* беседовал с Клей два года назад, она работала для неправительственной организации и активно участвовала в движении «Захвати» (Оссуру) — серии протестов, которые были порождены финансовым кризисом 2008–2009 годов. В основе этого движения было возмущение тем, что его участники считали жадностью Уолл-стрит, и казалось, что оно будет продолжаться долгое время. Но вместо этого «Захвати» пошло на спад и сейчас по сути исчезло из общественного сознания.

Теперь, два года спустя, Клей призналась, что уже меньше надеется на социальные преобразования. «Ситуация оказалась

гораздо более сложной и запутанной [чем я раньше думала]. Я бы сказала, что я так же много работаю над теми же проблемами, но надо признать, что перемены происходят медленнее, чем хотелось бы».

После «Захвати» Клей перекроила себя в «культурного хакера», как она себя называет, и упивается своим положением аутсайдера. На ее веб-сайте она называется «главным изгоем», ставящим цель «преобразования духа капитализма усилиями отдельных изгоев».

«Изгой», пожалуй, не требует объяснения, но что значит «культурный хакер»? «Мои родители антропологи, поэтому культура всегда занимала большое место в моей жизни. Культура не статична, мы можем ее активно формировать». Она сказала, что работает с людьми, чтобы дать им возможность своими действиями изменить культуру. А хакерство требует «знания систем, чтобы можно было их преобразовать. Хакеры досконально знают, как разобрать систему на части. Они понимают каждый ее элемент. Они осознают важность того, что делают. При этом вы ощущаете, что ваша преданность делу служит высшей цели».

В рамках своей программы культурного хакерства Клей могла основать «Лигу интрапренеров» (внутриструктурных предпринимателей), которая оказывает поддержку на основе взаимопомощи работникам крупных организаций (или, как она их называет, «офисным воинам»), пытающимся изменить свои учреждения изнутри.

Она привела пример работника автомобильной промышленности в третьем поколении, которого она называет Дэйвом. Он стремится подтолкнуть компанию, в которой работает, к переосмыслению организации городского транспорта (помимо ее основной цели, производства автомобилей).

«С таким человеком, как Дэйв, первое, что мы делаем — проводим часовое собеседование, где досконально выясняем его черты как «социального интрапренера»: он член Amnesty International, католик. Все эти дополнительные элементы он привносит в свою профессиональную деятельность. Далеко не все обладают мужеством оставаться настолько верным себе на рабочем месте».

«После нашей беседы мы собрали первую группу из 20 человек, которые, по нашей оценке, соответствуют этим характеристикам. Мы познакомили их друг с другом. Затем мы провели глобальный конкурс, чтобы вовлечь в эту сеть еще больше людей».

Клей много общается в ходе своей работы, но разговор, установление деловых связей и обмен идеями имеют для нее ценность и сами по себе. Этот культурный хакер пишет на своем веб-сайте: «Я использую разговор как инструмент для понимания состояния мира, для установления духовной связи, для увлечения».

Но одними разговорами не прожить, и последние два года Клей финансирует свой кочевой образ жизни такой деятельностью, как публичные выступления, консалтинг и литературное творчество.

В духе своего воспеваания чудаков в обществе Клей вместе с соавтором написала выходящую в этом году книгу «The Misfit Economy» («Экономика изгоев»), в которой рассматривается деятельность новаторов в теневой и неформальной экономике — тех самых «изгоев».

Приводимые Клей примеры изгоев включают неприглядных личностей, таких как сомалийские пираты и наркодилеры, а также Леди Гагу, которую она называет примером человека, шагающего не в ногу с обществом, который в своем творчестве использует «настроения изгоев». Это может послужить удачной характеристикой не только Леди Гаги, но и самой Клей. ■

Репортаж: Эн Сун Кан; фото: Майкл Спилотро